

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа задумывалась и создавалась как специализированное историко-философское исследование, посвященное одному из начальных этапов развития и становления мировой цивилизации и мировой культуры - предфилософии Древнего Египта. Духовное наследие древнеегипетской цивилизации - без сомнения, одна из тех областей, которые не могут не представлять огромного интереса для современного исследователя, будь то историк, культуролог, религиовед или филолог. История философии в этом смысле не составляет исключения, даже несмотря на то, что эпоха расцвета древнеегипетской культуры без малого на 2000 лет опережает возникновение философии в полном смысле этого слова. Впрочем, значимость, содержание и оригинальность египетских текстов нисколько не теряются на фоне этого исторического факта. Напротив, именно их возраст, а также культурная и духовная атмосфера, в контексте которой они создавались, только лишь увеличивают степень их интереса для исследователя наших дней.

История древнеегипетской мысли неотделима от истории древнеегипетской цивилизации. Она насчитывает, если брать за точку отсчёта время письменной фиксации первого из сохранившихся до наших дней крупных египетских источников - «Текстов пирамид», соответствующее примерно 2400 году до нашей эры, около двух тысячелетий. Разнообразна и форма этих источников - здесь мы находим тексты мифологического, религиозного, теологического, дидактического характера, исторические хроники, гимны, автобиографические надписи, пророчества, документы бытового и научного содержания и многое другое.

Древнеегипетская концепция Маат, о важнейших философских характеристиках и исторической эволюции которой пойдёт речь на страницах данной книги, базируется на одном из древнейших и наиболее ранних абстрактных понятий в ряду тех, что можно обнаружить в первобытных мировоззрениях человечества. Представления египтян о божественном миропорядке, социальной справедливости и истине, воплощённые в этой концепции, лежат в фундаменте космогонических, космологических, религиозно-антропологических, этико-политических и социально-философских воззрений древних египтян. Особеннос-

ти интерпретации Маат в общей системе египетской духовной культуры оказали существенное влияние не только на развитие собственно религиозно-теологической мысли, но и, в конечном счёте, на исторические судьбы страны.

С момента возникновения современной египтологической науки, начавшейся с дешифровки иероглифов французским исследователем Жаном-Франсуа Шампольоном в 1822 году, древнеегипетская мысль сразу же попала в поле пристального внимания специалистов-египтологов. Концепция Маат в этом плане не составляет исключения, хотя нужно отметить, что, несмотря на то, что число опубликованных трудов по различным проблемам египтологии за рубежом и в нашей стране уже за первые сто лет её существования как самостоятельной научной дисциплины составило не одну тысячу наименований, первые работы, посвященные именно этой теме, появляются только лишь в середине XX века. В 1952 г. в Балтиморе выходит в свет небольшая работа Р. Антеса «Маат Эхнатона и Амарны», посвящённая одному из важнейших этапов в эволюции этой категории в египетской мысли - религиозному перевороту фараона XVIII династии Аменхотепа IV (Эхнатона), произошедшему в XIV веке до н. э. и положившему, по сути дела, начало кризису Маат в древнеегипетской теологии и религии¹. Однако первые по-настоящему систематические исследования в этой области начались в зарубежной историографии несколько позже и связаны, прежде всего, с именами представителей современной германской египтологической школы. Первым шагом на этом пути стала статья В. Хелька о Маат в шеститомном «Лексиконе египтологии», издававшемся в 1972 - 1987 годах под общей редакцией В. Хелька и Э. Отто². В 1983 году вышла в свет книга Х. Бруннера «Основные особенности древнеегипетской религии», где в числе других вопросов подробно рассматривается роль категории Маат в египетской религиозной этике и заупокойном культе³. Значимость Маат как фундаментального концепта древнеегипетской религии, теологии и культуры становится на рубеже 80-х - 90-х годов минувшего века одной из главных тем в научной работе современного немецкого египтолога, культуролога и историка религии Я. Ассмана, среди важнейших трудов которого следует назвать «Египет: теология и благочестие ранней цивилизации» (1984 г., русский перевод 1999 г.), «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (1992 г., русский перевод 2004 г.) и, конечно же, отдельную обширную монографию о Маат «Маат: праведность и бессмертие в Древнем Египте» (1990 г.), в которой автором сделана попытка показать тесную связь этой категории не только с религиозно-теологической, но и с социальной проблематикой древнеегипетской мысли, методологически основанная на теории дискурса М. Фуко и концепции «осевого времени» К. Ясперса⁴.

Что касается отечественной египтологической литературы, то здесь степень разработанности данной проблемы несравненно ниже, чем в западной (и, прежде всего, немецкой) египтологии, что без сомнения, существенно усиливает актуальность именно русскоязычного исследования настоящей темы. Однако, несмотря на отсутствие специализированных трудов о Маат, вышедших в

свет на русском языке, эта категория (в первую очередь та роль, которую она играет в мифологических концепциях Древнего Египта) всё же отчасти (хотя и крайне незначительно) попала в поле внимания фундаментальной монографии М.А. Коростовцева «Религия древнего Египта» (1976 г.).

Следует отметить также и ещё один весьма существенный в контексте настоящего вступления момент. Факт выхода в свет в 1990 г. специализированной монографии Я. Ассмана, посвященной категории Маат и её роли в общей системе духовной культуры древних египтян, совершенно не означает, что спектр проблем, так или иначе затрагиваемых на страницах данной монографии, совпадает с теми, что рассматриваются в упомянутой мною работе. Кардинальное отличие заключается в задачах исследования. Если главной целью монографии Я. Ассмана является демонстрация важнейшей роли Маат в первую очередь в контексте единого пространства древнеегипетской теологии и культуры (то, что сам автор именует религией в широком смысле этого слова) и попытка построения на её основе общего методологического аппарата для исследования древних культур в целом (с широким использованием компаративистских методов анализа), то нашей основной задачей являются определение важнейших философских характеристик собственно категории Маат и их видоизменение на протяжении существования её как фундаментального объекта внимания древнеегипетской мысли, осуществляемые в рамках специализированного историко-философского исследования. Заметим, что далеко не всегда подход и точка зрения Я. Ассмана на те или иные анализируемые им проблемы оказываются, на наш взгляд, адекватными, и частные случаи этих фундаментальных расхождений будут детально рассмотрены в дальнейшем. Однако сам факт наличия обширных специализированных работ по рассматриваемой нами теме именно у этого автора, разумеется, обязывает нас уделить определённое внимание как выдвинутой им методологии, так и особенностям исследования немецким специалистом египетской духовной культуры в целом и категории Маат в частности.

Важной особенностью методологического аппарата, используемого нами на страницах настоящей монографии, является его филологическая составляющая. Поскольку «осевым хребтом» всего исследования является аналитическая работа с египетскими первоисточниками, относящимися к концепции Маат, то вопросы перевода приобретают здесь первостепенное значение. Учитывая ограниченный объём данного издания, мы решили отказаться здесь от использования иероглифики и общепринятой в египтологии транслитерации при изложении приводимых на страницах монографии в авторском переводе фрагментов древнеегипетских текстов, ограничиваясь в каждом случае лишь русскоязычным воспроизведением египетского первоисточника. Что же касается литературной формы перевода древнеегипетских первоисточников на русский язык, то, на наш взгляд, более уместным является вариант их прозаического изложения, традиционный для отечественной египтологической школы и более привычный русскоязычному читателю, нежели «поэтический» метод перевода египетских текстов на современные европейские языки, разработанный в 60-х

годах XX века Г. Фехтом и широко используемый в настоящее время, например, филологами современной немецкой египтологической школы (хотя, разумеется, ни научная, ни методологическая ценность данного подхода не подвергаются нами ни малейшему сомнению). Следует также отметить ещё один важный момент филологического характера, напрямую касающийся египетских текстов, рассматриваемых в рамках настоящего исследования. В силу того, что для египетского языка характерен очень строгий порядок следования слов в предложении, не свойственный подавляющему большинству современных европейских языков (в том числе и русскому языку), нам кажется важным там, где есть возможность сделать это, сохранить подобный порядок следования слов, характерный для египетского оригинала, и в русском варианте текста. В первую очередь, эта деталь относится к столь многочисленным в египетских текстах глагольным предложениям, неизменная внутренняя структура которых (сказуемое - подлежащее - дополнение), как правило, сохраняется без изменений и при переводе их на русский язык.

Необходимо также отдельно остановиться на вопросе перевода на русский язык самого существительного «Маат», обозначающего собой основной предмет исследования настоящей работы. В силу многозначности этого существительного (можно выделить не менее четырёх его значений в египетском языке - более детально этот вопрос будет рассмотрен в разделе 1.1. первой главы монографии) наиболее удобным и универсальным вариантом нам кажется при переводе на русский язык оставлять его в приводимых фрагментах первоисточников без контекстуального перевода, дабы не лишать читателей возможности быстро и безошибочно узнавать эту важнейшую категорию в цитируемом фрагменте (вместо постоянного и зачастую бессистемного - в силу сложной внутренней структуры текста - чередования в переводах различных её русских эквивалентов - «истина», «справедливость», «миропорядок» и др.). Разумеется, эта деталь касается лишь тех первоисточников, фрагменты которых приводятся на страницах монографии в авторском переводе; в случае цитирования различных переводов египетских текстов из русскоязычной и иностранной египтологической литературы предлагаемый тем или иным автором вариант перевода для слова «Маат» остаётся при цитировании строго неизменным, как, впрочем, и весь цитируемый фрагмент.

Теоретическое исследование древнеегипетских текстов и аналитическая работа с ними также имеют ряд отличительных особенностей. Дело в том, что авторство подавляющей части египетских первоисточников (особенно это касается текстов мифологического, религиозного и теологического содержания) не установлено, поэтому зачастую исследователь (в том числе, разумеется, и историк философии) лишён довольно естественной в других случаях возможности чётко ассоциировать то или иное произведение (или высказывание, если речь идёт не обо всём тексте, а только о его фрагменте) с конкретной исторической персоналией. Это порою сильно затрудняет общий анализ концепций, но вовсе не означает отсутствия смысловой связи между текстами, относящи-

мися к различным историческим эпохам и разным мифологическим или теологическим традициям: вот почему, например, введённое в рамках методологии М. Фуко представление о дискурсе как о группе текстов, объединённых общим проблемным полем и содержащих явные и косвенные ссылки друг на друга, оказывается, по мнению исследователей современной немецкой школы, вполне применимым к древнеегипетской мысли, по крайней мере, начиная уже с эпохи Среднего царства (хотя некоторые признаки, свидетельствующие об этом, содержат и источники более ранних эпох). На практике же это означает, что всякий египетский текст, умышленно (в силу стремления автора по тем или иным причинам сохранить анонимность) или случайно (в силу плохой сохранности или других исторических перипетий) лишённый авторства, тем не менее, легко может быть отнесён к той или иной традиции благодаря своему чётко обозначенному внутреннему положению по отношению к дискурсу - религиозному, мифологическому, теологическому, культурному или иному. Это немаловажное свойство в рамках древнеегипетской письменной культуры относится к текстам любого содержания - космогоническим, заупокойным, этическим, дидактическим, социально-политическим и т. п. Ведь даже не имея сведений об авторской принадлежности того или иного источника, используемого для получения теоретического материала, нам нужно будет применить немало усилий для того, чтобы по ошибке отнести, например, солярно-теологический гимн к текстам осирической традиции, или наоборот. Использование дискурсивного подхода как одного из важных методологических инструментов для теоретического анализа текстологического материала, осуществляемого на страницах этой книги, становится здесь ещё более эффективным вследствие того, что он, несомненно, отчётливее помогает высветить эволюционные тенденции в истории рассматриваемой категории, имевшие место на всём длительном протяжении существования духовной культуры Древнего Египта. Однако следует подчеркнуть, что нам не всегда кажется правильным объявлять дискурсивный подход единственно верным и максимально эффективным методом теоретического анализа египетских текстов (как делает это уже упомянутый выше Я. Ассман), ибо, несмотря на ряд очевидных преимуществ такого метода, использование современного понятийного и методологического аппарата применительно к лексике и ценностям древнеегипетской духовной культуры, отдалённой от нас огромным временным промежутком, конечно же, не всегда гарантирует стопроцентно успешного проникновения в ее внутреннюю структуру, без понимания которой, разумеется, оказывается абсолютно невозможным в том числе и делать какие-либо выводы и заключения, касающиеся специфики предмета исследования. Вот почему, используя дискурсивный метод в ряде тех случаев нашего исследования, где его применение действительно кажется наиболее адекватным (особенно это касается египетских текстов социально-политического и дидактического характера), мы всё же не считаем его абсолютно универсальным и тем более единственно возможным средством анализа теоретического материала, используя одновременно и традиционные историко-философские, историко-культурные и рели-

гиоведческие стратегии исследования, сложившиеся в отечественной и зарубежной египтологической науке.

Говоря о формальной стороне исполнения предлагаемого исследования, хотелось бы отметить, что с историко-хронологической точки зрения представляется наиболее оптимальным вариантом последовательно структурировать его по трём главам, привязав каждую из них к одной из трёх основных исторических эпох в истории Древнего Египта. Поскольку вся история Древнего Египта довольно строга и «удобоварима» в плане возможности своей периодизации на отдельные эпохи, сделать это оказалось делом весьма простым и, как мне кажется, весьма логичным. Первая глава посвящена зарождению и начальному этапу эволюции категории Маат в мысли Древнего Египта - Древнему царству. Соответственно, именно к данной исторической эпохе относятся и привлекаемые в ней для анализа египетские первоисточники. Вторая глава отводится, таким образом, эпохе Среднего царства, а третья - Новому царству и Позднему периоду, времени кризиса прежних представлений египтян о Маат и начала общего упадка древнеегипетской цивилизации. Разумеется, как и в случае с первой главой, используемые в последующих двух главах египетские тексты также относятся к вышеназванным историческим эпохам.